

Я. А. Денисенко

ЭКВИЛИБРИУМ. ЦУГЦВАНГ ЕВЫ

RUGRAM

Москва
2023

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)
Д33

Денисенко Я. А.
Д33 Эквилибриум. Цугцванг Евы / Я. А. Денисенко. — М. :
Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 398 с. —
(Эквилибриум).

ISBN 978-5-521-90752-6

Миры ангелов и демонов разделяет Миррор-Майнд — пространство-зеркало, в котором Аверс — знакомая земным людям вселенная, а Реверс — загадочное место, населённое необычными существами, отыскать путь в который могут нашедшие своё предназначение или воспоминания о прошлых жизнях.

Живущая в Нью-Йорке жизнью обычного подростка Ева Роден не подозревает, к каким последствиям приведёт это открытие.

УДК 82-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
ВІSAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90752-6

© Денисенко Я.А., 2023
© arctic_foxy_, иллюстрации, 2023
© Юхнова Н., оформление, 2023
© RUGRAM, оформление, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

Цугцванг — положение фигур в шахматах, которое ведёт к ухудшению позиций игрока.

Глава 1

Я не помню, как давно брожу здесь. Не помню, кем являюсь, куда нужно идти и где находится место, которое называю «здесь». Когда опускаюсь на колени снова, от отчаяния руки уже сами тянутся и сгребают землю в ладонях. Стекланный чёрный песок острыми иголками крошится в ладонях и врежется в босые ступни, холодный и мокрый, хотя нигде поблизости нет воды. Поблизости нет ничего, кроме чёрной земли и чёрного неба. Для этого места не подходило то лёгкое белое платье, что невесомо касалось кончиков пальцев и никак не помогало совладать со здешним холодом, но ничего другого с собой у меня не было. Я оказалась здесь чёрт знает сколько часов (может даже дней назад) вот так, как было, и всё ещё не смогла понять ход времени. Пока живое — уже не впервые казалось в этом абсурдном сне, что оно живое! — небо сбрасывало свои краски, словно величественная птица старое оперение, для меня не поменялось ровным счётом ничего. Ни-че-го, а кристальная белизна заполнила собой всё и не давала вспомнить, что происходило раньше и кем я была... Ведь была же? Жизнь любого без исключения живого существа расчерчена на прошлое, настоящее и будущее, и без одного звенья становится неполноценной. Было ли что-то, что я делала, когда точно так же приходилось оставаться одной, будучи скованной тревогами, связанными с неопределённостью мучительного

“что дальше?”? Время не может, не должно заменять свой ход, — разве что только здесь, возможно, — а значит будущее продолжает идти вперёд, пока мне на собственном опыте приходится испытывать все прелести участи потерянного создания в чуждом ему не мире даже — мёртвой пустыне с уходящей в никуда чернотой живого неба. Поначалу факт незнания времени чрезвычайно напрягал внутреннего большого босса, которому необходимо контролировать все аспекты собственной жизни и чётко видеть, что будет дальше, но после того, как не получилось ответить даже на вопрос о собственном прошлом и причине нахождения здесь, это отошло на второй план. Владение информацией и понимание своих позиций внушает какую-никакую уверенность, а без уверенности в чём-либо можно и пропасть в совсем безрадостных размышлениях, пока мозг лихорадочно работает и перебирает все возможные варианты действий.

У времени не бывает ограничений просто так, что мне тоже почему-то хорошо известно, как и то, что лишь очень немногие обладают его неограниченным запасом. Внезапные ассоциации с выброшенной на берег и дёргавшейся теперь в предсмертных конвульсиях рыбой в паре взмахов плавником от привычной среды обитания не задают необходимого оптимистичного настроения, и я рассерженно кривлюсь, отгоняя ненужные мысли прочь. А всё потому, что пройти мимо такой рыбы, как и пройти мимо насекомых, — обычное дело; большому и сильному человеку, вечно погружённому в свои большие проблемы и обязанности, нет и не может быть никакого дела до насекомых — представителей одной из тех незначительных форм жизни, что проплывают мимо существующих на автопилоте мимолётными призраками. Удивляться самому факту существования чего-либо доводится разве что в детстве — потом способность удивляться становится чем дальше, тем слабее, крепко-накрепко переплетаясь корнями с бесцветной обыденностью и уступая первенство ненасытной натуре исследователя, чей голод способен посоревноваться

в аппетитах с чёрной дырой. Обременённые своими маленькими обязанностями, насекомые непримечательны и незаметны до тех пор, пока не заползут в дом незваными гостями. А незваным гостям не место в чужих домах — к таким несложным выводам придёт даже ребёнок.

Удивительно, что пришлось забыть столь многое. Даже самые обыкновенные рыбы исчезли из воспоминаний, и теперь свято верилось, что не было ни одного места среди тех несчастных клочков, где эти создания могли встречаться мне раньше. Слишком странно было видеть то, к чему как будто не имеешь никакого отношения, но всё равно помнишь. Картинки и образы были... чужие. Ни одна из них не вызывала эмоций: ни радости, ни печали, ни чувства принадлежности к тому, что раньше можно было принять за часть одной большой истории, ни спонтанной рефлексии. Казалось бы, такого ни в коем случае не могло быть: должны были быть картинки, названия, образы и ситуации, что указали бы хотя бы один путь к поискам... Увы. За неимением других деталей, мне оставалось только искренне порадоваться им — незначительным и выловленным в белом омуте случайными ассоциациями.

Под градом резко изменяющихся температур и озноба я недовольно и зябко ёжусь, пока суетливый голос в голове капризно причитает, что «лучше бы всё-таки не заболеть», и я не могу игнорировать это, неожиданно находя лишний повод для беспокойства.

“Лучше не болеть. Болеть нынче дорого, а страховку себе может позволить далеко не каждый”

Я бы посмеялась с интригующего бессвязного сумбура в голове, не будь ситуация напряжённой, а тьма такой беспокойной и вязкой. Вокруг не было света, но удивительным образом у меня получалось рассмотреть, как далеко простиралась беззвёздная бесконечность морионового тоннеля в неизвестность. Здесь были небо, минус двести семьдесят три градуса по Цельсию, песок и я — нарезавшая круги на одном месте в по-

пытках вспомнить нечто важное, потому что, как и прежде, чертовски не любила чего-то не понимать. Сдерживая всхлип на полпути к вырисовыванию очередного круга на песке, я обхватила тело руками и начала лелеять мысль о “безопасном” домике, лихорадочно анализируя снова и снова поток хаотичных картинок в надежде найти упущенное по невнимательности. Рефлексы остались прежними. Даже тело сохранило свою память, что хотелось вынести в особую категорию несправедливости.

Может, это и был на самом деле мой дом? Станный, не внушавший никакого доверия и совершенно противоположный значению, которое вкладывают в это слово. Вопрос, опасно ли здесь и можно ли дойти куда-то, где есть другие люди, уже возникал, потому что место выглядело знакомым. Настолько, насколько мог быть знакомым пейзаж, увиденный в давно забытых снах и ускользающий всякий раз, когда силясь до него дотянуться и вспомнить в деталях. Сколько бы раз я ни оглядывалась по сторонам, подсознательно ожидая пресловутого подвоха и нервно вскрывая песок пальцами босых ног, очевидное признавала снова: нет, здесь было не опасно. Значит нужно было сохранять спокойствие и думать. Снова, внимательно, без спешки. Снова и снова. Ведь мне некуда спешить, а от скуки только надумывается лишнего. Скука липко погружает в смоделированные вручную страхи и ситуации, в которых уже совсем скоро — ещё чуть-чуть! — обязательно появится “нечто”, которое будет уже «слишком», чем полностью и безвозвратно исказит подлинную реальность. Нужно просто представить, что ничего на самом деле не происходит; а если и происходит, то с условными «другими», которым дать совет сохранять спокойствие и быть мужественным легче, чем самому применить на практике. Представить, что всё хорошо, проще, чем найти причины так думать в реальности, но со мной такое почему-то никогда не работало. У меня всегда находилась тысяча причин думать об обратном и вместо чего-нибудь лёгкого и безобидного, вроде вменяемых доводов

в пользу теории осознанного сна или лунатизма, мрачное предвкушение всего худшего, что ещё сможет произойти и успокоит несчастный мозг, которому нужны хоть какие-то гарантии того, что хуже уже точно не будет. Да и могло ли быть хуже? Собственного имени не было, а в голове пусто, как на чистом листе, и страшно двигаться с места там, где на каждом шагу есть возможность наткнуться на опасность. Наверное, нет, не могло быть хуже. Давно исчерпался запас страхов, значит просто нужно было... идти дальше? Идти в бесконечную холодную пустоту. Идти в бескрайнюю пустошь, в которой куда ни пойдешь — окажется, что ходишь кругами. Сложно было назвать космосом обсидиановое небо, но что-то подсказывало пронизательной интуиции: небо знает выход, но не поможет. Не поможет, пока не случится то «нечто», появление которого здесь лишь вопрос времени, и от этого внутри в копилку претензий отправляется ещё одна нелепая в появлении обида. Всё живое стремится избавиться себя от страданий — это одна из неизбежных программ, что заложены природой в каждом; различаются лишь избранные методы подведения к завершению, так что глупо было игнорировать дурное предчувствие, связанное с неизвестным местом вне времени и пространства. Также упущенным оказался момент, когда всё моё человеческое существование схлопнулось до простой маленькой задачи без дедлайнов. Лимит возможных мыслей, выловленных из хаотичного потока чуждого и нереального, будто кому другому принадлежавшего, исчерпался быстро — от ироничного “Я попала в Ад или просто попала?” до нервного “Меня похитили инопланетяне, а ведь я в них даже не верю!». Было ещё отчаянное: “Со мной такого вообще не должно быть, это несправедливо!”, но самым ужасным всё ещё оставался казус с памятью, — её полным отсутствием, — вынуждавшим подозревать любое изменение в окружении в наихудшем исходе.

Была ли эта жизнь когда-нибудь? Вспомнить. Вспомнить. Или с минуты на минуту поддаться сладким уговорам паники сойти с ума вместе и самозабвенно жалеть, страдать и насла-

ждаться своими же страданиями. Наверняка это было вопросом времени в ситуации вынужденного времяпровождения коматозника в нереальной сомнамбулической пустыне почти как — вот ирония — заблудшего путника-экстремала, уже после пары километров жаждущего отыскать спасительный оазис. Моим оазисом был мой внутренний мир, сотканный из воспоминаний и делавший меня мной: человеком, каких много и каких отличает и определяет содержимое черепной коробки и время. Ни первого, ни тем более второго не было, и теперь, беспомощной и потерянной, мне оставалось лишь ходить, ходить кругами, шарахаться от любых шорохов и изменений в неправильном небе и причитать на потерю памяти. Измерить время не представлялось возможным, но иногда небо менялось. Иногда оно становилось красочным, как смешанные в акварелях все цвета радуги, иногда умиротворённым, как самые первые годы человеческой жизни; ещё не скованные зависимостью от осмысления всего увиденного и услышанного, а потому счастливые, полные неиссякаемой веры в Мир и прекрасное будущее. Небо не чувствует, но принимает грядущие изменения, как бесстрастно принимало и пропускало через себя все другие процессы до этого, становясь в неопределённом «сейчас» никаким. Часы? Недели? Может, годы прошли для меня здесь? Время здесь казалось идущим напролом потоком без единиц измерения, в котором работали только ощущения и догадки; вероятно, оно всё-таки было: здешние ночи стали ещё темнее, затянув свет и галактики сплошной чёрной дырой в небе, — остались только ржавая чернота живого неба да стеклянные песчинки чёрного песка, что царапались при ходьбе, издевательски напоминая о никуда не исчезнувшей материальности невозможного в существовании места. Ступни стёрлись в кровь от острых углов и саднили, вызывая неприятные болевые ощущения, до которых уже давно не было никакого дела. Со мной всё ещё оставалась уверенность в том, что что-то должно было произойти, потому что уже было нечто подобное. Виделось когда-то. Да